

То видъ принимала казалось змѣи,
Которая злобно шипѣла:
Попался, дружокъ, ты въ крѣпость теперь,
Истлѣетъ твое здѣсь и тѣло!

О, Боже! твердилъ я, зачѣмъ какъ на грѣхъ,
Увязъ я въ гнѣздѣ этомъ мерзкомъ!
Когда бы скорѣе у милой жены
Въ предмѣстьи мнѣ быть Пуассоньерскомъ!

И все мнѣ казалось, что чья-то рука
Какъ будто мнѣ по лбу черкала, —
Какъ будто бы цензоръ указкой чертилъ
Холодной — и мысль исчезала.

И будто-бы въ саванахъ бѣлыхъ толпы
Жандармовъ тѣснясь у постели,
Какъ пугалы адскія, злобно смѣясь,
Мнѣ въ уши цѣпами гремѣли.

Казалось мнѣ, духи-жандармы еще
Куда-то меня увлекали,
Терзали мнѣ члены, и вотъ наконецъ —
Къ гранитной скалѣ приковали.

